

Представление о политике как особом типе мышления и деятельности, в рамках которого реализуется борьба управленческих систем [Рац 2010], позволяет по-новому взглянуть на некоторые вопросы политической науки и, прежде всего, на вопрос о различных *типах политики*. В общем виде прямая постановка вопроса о типологии политики (политической деятельности – в отличие от политических систем или культур) мне не встречалась, хотя различные ее типы выделялись и обсуждались бесчисленное число раз. Вовсе не стремясь обозреть все сделанные в связи с этим предложения, что вообще вряд ли возможно, я хотел бы выделить некоторые наиболее важные с практической точки зрения из возможных типологий. Учитывая безграничность темы, надо сразу оговорить постановочный характер предстоящего обсуждения.

Начать можно с типологических различий, подчеркивающих преемственность развиваемых далее представлений. Первое из них, по-моему, задает одну из границ политического (в точном смысле слова) и неполитического, или псевдополитического. Это различие восходит к «позитивной» и «негативной» политикам Макса Вебера [Вебер 2003: 154], о которых он писал применительно к ситуации в Германии 1918 г., и современную интерпретацию которых дал Б.Г.Капустин [Капустин 1998: 172]. В российской социокультурной ситуации и, тем более, в данном контексте мне кажется более релевантным говорить о *содержательной* и *бессодержательной* политике. Первая ориентирована на те или иные ценностно и/или целе-сообразные преобразования в сфере общих (с другими политическими субъектами) интересов, реализуемые, в частности, посредством власти; вторая – только на захват и удержание власти политическим субъектом, у которого нет никаких интересов, кроме личных, а «сфера» оказывается всего лишь средством их удовлетворения. Для бессодержательной политики в особенности характерна гиперболизация роли власти. С точки зрения представления о политике как борьбе управленческих систем, бессодержательная политика как идеальный тип, в чистом виде вообще не может квалифицироваться как политика, и я буду именовать ее политиканством. Надо, однако, иметь в виду, что «в жизни» политика и политиканство плавно перетекают друг в друга и в чистом виде являют собой скорее исключение, чем правило. При этом забота политика о самосохранении при власти законна до тех пор, пока не превращается в самоцель: действительно, лишаясь власти, политик теряет и связанные с нею возможности добиваться желаемых перемен в сфере своих интересов.¹

Затем можно указать на различаемые Б.Капустиным «большую», или трансформационную и «малую» политики, где вторая есть лишь рутинизация первой, «ее “превращение” и “явление” в состоянии покоя». Большая политика «создает те “правила игры”, которые служат форматом (я бы сказал: рамками – М.Р.) малой политики», и «относится к “малой” так же, как спинозовская *natura naturans* (природа порождающая) к *natura naturata* (природа порожденная)» [Капустин 2004: 15]. Важную роль сохраняют так же известные различия Real- и

¹ В связи с этим нельзя пройти мимо связи различия *политика vs политиканство* с организацией власти. В условиях демократии потеря политиком власти является относительной (он сохраняет многие возможности и в оппозиции), а нередко временной. Напротив, в недемократических системах, потеря власти, как правило, абсолютна и невосстановима, причем она может сопровождаться и другими потерями вплоть до потери жизни. (Примеров такого рода сколько угодно.) Поэтому понятно, что отсутствие демократии заставляет политиков держаться за власть, что называется, зубами: политика при этом вырождается в политиканство.

Idealpolitik (к этой паре мы еще вернемся), активной и реактивной, публичной и подкованной политики: думаю, что здесь можно обойтись без комментариев.

Далее среди множества подходов к важнейшей и на удивление плохо проработанной теме типологии политики я бы выделил два подхода, обретающих новый смысл в свете введенных в работе [Рац 2010] представлений. Один связан со сферой общих интересов политических субъектов: ее локализацией, местом в нашем мире, а также определяемыми этим местом особенностями; второй – с регулятивами политической деятельности, прежде всего ее ориентирами и ориентациями.

Типы политики, связанные со сферой общих интересов

Локализацией и особенностями сферы интересов определяются наиболее привычные и распространенные представления о разных политиках. Прежде всего, здесь приходят на память различия пространственные (муниципальная, региональная, международная политики) и предметные, или «отраслевые» (миграционная, энергетическая, научная и т.д.). Внутренние различия между ними связаны с влиянием на характер политики особенностей системы, которая лежит в сфере общих интересов политических субъектов. Например, специфика муниципальной политики в отличие, скажем, от международной определяется не только местом ее приложения и развертывания, но и особенностями города как объекта политики.

Однако сейчас меня интересует другое, по-моему, наиболее фундаментальное различие двух типов политики, связанное как с характером систем, лежащих в сфере общих интересов, так и с нашим отношением к ним. Во всех случаях политические субъекты озабочены будущим и намерены строить или перестраивать, – каждый по-своему – лежащую в сфере их интересов систему деятельности. Первый из упомянутых типов политики (в рамках всего предыдущего дискурса – вырожденный) возникает, когда сама эта система рассматривается как чисто техническая, лишенная субъектности, нацеленная только на преобразование исходного материала в продукт. Речь может идти, например, о тех или иных способах освоения территории, разработки месторождений, строительстве и т.п.

Второй, неизмеримо более сложный тип, который чаще всего стоит за разговорами о политике, относится к случаю, когда преобразуемая система, лежащая в сфере интересов политических субъектов, квалифицируется как социальная, т.е. может обладать рефлексией и способностью к активному самодвижению, в том числе способностью противостоять (или, наоборот, содействовать) преобразовательным усилиям субъектов политики. По сути дела здесь стирается разница между объектом и субъектом преобразований: «объект» может выступать на-равных с субъектами. Сама эта оппозиция теряет смысл, и на смену ей приходят представления об организационно-управленческой деятельности и системные представления [Щедровицкий 1995: 57, 437].

В первом случае, когда речь идет о технических системах, мы будем говорить о преобразовательной деятельности как об *инженерии*, во втором, – как об *управлении*. Первому случаю соответствует *техническая политика*, т.е. борьба за выбор тех или иных решений между сторонниками различных способов, техник и технологий использования и преобразований исходного материала, будь то переработка нефти или производство компьютеров. Второму – можно было бы сказать «*управленческая политика*», но так не говорят, и остается только пояснить, что здесь подразумевается политика в общепотребительном и традиционно представляющем наибольший общественный интерес значении,

включающая политику внутреннюю и внешнюю, сферу международных отношений и т.п. Здесь тоже происходит борьба, но уже не за выбор тех или иных техник использования и преобразования косного материала, а за выбор управленческих решений, связанных с переменами в жизни социальных систем.

Важнейшая особенность двух выделенных типов преобразовательной деятельности и политики состоит в том, что, говоря упрощенно, между реальными характеристиками преобразуемых систем и той или иной их квалификацией политическими субъектами (со всеми вытекающими из этого последствиями) нет полного соответствия. Очень часто социальные системы, – если и не формально, то фактически – квалифицируются политическими субъектами как технические, т.е. за ними не признается право голоса даже при определении их собственной судьбы. В особенности это характерно для тоталитарных, а отчасти и авторитарных режимов. Данный поворот сюжета наиболее интересен с традиционной политологической точки зрения и несомненно заслуживает специального обсуждения, но, поскольку здесь речь идет о типологии политики вообще, я предпочитаю чуть подробнее охарактеризовать инженерию и собственно техническую политику как таковую, тем более, что она, кажется, никогда не рассматривалась с политологической точки зрения.

Инженерия, если понимать ее в указанном выше значении, отличается от управления (и любой политики) среди прочего тем, что необходимые для нее знания вырабатываются естественными и техническими науками. Эти науки ориентированы на различные объекты, как первой, так и второй природы. В отличие от инженерии управление и политика требуют знаний совершенно иного рода: это знания не об «объектах», а о мышлении и деятельности, которые выступают здесь в функции настолько своеобразных «объектов», что на смену привычным субъект – объектным приходят упоминавшиеся системные представления. Необходимые управленцам и политикам знания вырабатываются методологией и отчасти традиционными социогуманитарными науками.² Соответствующее различие двух типов наук – объектно и деятельностно ориентированных, было введено тридцать лет назад [Поливанова, Щедровицкий 1979], но в ту эпоху оказалось невостребованным. Полагаю, что времена переменились, и сейчас самый подходящий момент напомнить об этом радикальном нововведении. Итак, пара *инженерия – естественные и технические науки* работает с разного рода «вещами», объектами (а точнее, организованностями мышления и деятельности): как материальными, так и идеальными; пара *управление и политика – деятельностно ориентированные науки* – с мышлением и деятельностью как таковыми.³

По отдельности техническая и «управленческая» политики – вещи хорошо известные, каждой из них посвящены целые библиотеки, но вот работ,

² Отчасти, – потому что эти науки вместе с тем занимаются и исследованиями объектов третьей природы, или «третьего мира» К.Поппера: мира наших знаний и представлений. По этой же причине граница между объектно и деятельностно ориентированными науками не совпадает с границей между естественными и техническими науками, с одной стороны, и социогуманитарными, – с другой.

³ Интересно, что *практически* менеджеры давно различают эти две области. Так, П.Друкер еще полвека назад рассказывал о крупной железнодорожной компании, которая организовала два инновационных центра. Один занимался «всеми физическими аспектами транспортировки: локомотивы, вагоны, рельсовые пути, сигналы, радиосвязь. Другой занимался инновациями в грузоперевозках и пассажирском сообщении, развитием новых источников грузоперевозок, новой тарифной политикой, открытием новых рынков, разработкой новых услуг и т.д. [Друкер 2000: 52-53].

нацеленных на их сопоставление и соотнесение друг с другом, я не знаю.⁴ (По-видимому, их и не могло быть в рамках господствующей предметно-научной организации мысли.) Между тем практически они теснейшим образом связаны и переплетены, что достаточно хорошо видно хотя бы на хрестоматийном примере экологических проблем. Но, если мы хотим разобраться во всех этих связях и хитросплетениях, то начать надо с того, чтобы положить эти два типа политики как разные и охарактеризовать их как таковые: связи могут существовать только между разными сущностями.

В этом контексте надо сразу отметить недооценку феномена технической политики. В отличие от «управленческой» политики, являющейся предметом интереса общества, СМИ, политической науки и политической философии, политика техническая обсуждается, как правило, только *ad hoc*, применительно к тем или иным конкретным ситуациям. Действительно, это, повторю, вырожденный случай, который стоит особняком и, как правило (по понятным причинам), даже не упоминается в курсах политической науки, хотя влияние технической политики на нашу жизнь трудно переоценить. Оно связано с разработкой инструментальных средств нашей деятельности, с втягиванием и использованием в ней косного материала, а так же с формированием условий ее осуществления и нашего существования (которые обычно называют природными, хотя они давно таковыми не являются).⁵ К тому же прилагательное «техническая» в выражении «техническая политика» следует понимать не в традиционном значении, относящем такую политику к «железкам», а – сообразно сказанному – в расширенном, за которым стоит древнегреческое «техне», искусство.

Выделение и сопоставление двух охарактеризованных случаев и соответствующих им типов политики важно с практической точки зрения, поскольку во многом сходны, но во многом принципиально различны методы и пути претворения в жизнь принимаемых в разных случаях решений. Только в рамках технической политики эффективна система прямого *исполнения*, а в других случаях, как правило, *реализация* политических решений превращается в особую сложную работу. (Конечно, это накладывает свои ограничения и на методы принятия решений, но их надо обсуждать отдельно.) По этому пункту нередко возникают недоразумения, в связи с чем подчеркну сразу, что даже в рамках технической политики целенаправленные преобразования, особенно крупномасштабные часто порождают непредсказуемые, в т.ч. негативные последствия. В итоге такие преобразования вроде как перестают быть целенаправленными, в сущности, из преобразований они превращаются в плохо контролируемые перемены: это известно на материале экологии (в широком ее понимании как *environmental sciences*). А когда мы имеем дело с людьми и общественными системами, подобные эффекты становятся типичными и определяющими. В связи с этим, кстати, Г.П.Щедровицкий [Щедровицкий 2003: 231] подчеркивал, что управление может «только интенсифицировать естественно наметившиеся линии, а идти поперек или против естественного процесса безнравственно и безнадежно».

Здесь нужны тонкие методы: в этом направлении размышлял С.Попов [Попов 2002]. Идеологически это известная традиция, прослеживаемая от «ревизиониста» Э.Бернштейна через К.Поппера с его «частичной социальной

⁴ В отличие от «управленческой политики» мне даже не удалось найти ни одного общего определения термина или, как это принято говорить, понятия технической политики. Она обсуждается, как правило, *ad hoc*, применительно к данному случаю.

⁵ Когда настоящий материал был уже подготовлен к публикации, президент Д.А.Медведев выступил со статьей «Россия, вперед!», в связи с которой тема технической политики приобрела особую актуальность.

инженерией» к Г.Щедровицкому, разрабатывавшему программный подход [Щедровицкий 1999] – в отличие от весьма ограниченного применительно к социуму проектного, – и его ученику С.В.Попову. В рамках этой традиции формируется современный подход к социальным преобразованиям. При этом приходится учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство: два типа преобразуемых систем и соответственно техническая и «управленческая» политики представляют собой идеальные типы в понимании Макса Вебера, иными словами, это наши мыслительные конструкции, а не эмпирически выделяемые разновидности объектов. Тем важнее четко выделить и разграничить их в мысли, ибо в реальной жизни нам приходится иметь дело со смешанными, гибридными, «кентаврическими» образованиями. Наряду с упомянутым кругом вопросов экологии актуальными примерами здесь могут служить переплетение геополитики и энергетической политики с технической политикой при выборе средств транспортировки углеводородов или комплекс вопросов, связанных с культурной политикой [Щедровицкий 2006].

Если сама идея различения «управленческой» и технической политик художбно прояснилась, я хотел бы обратиться к одному ее частному, но актуальнейшему в современной России приложению. Речь идет о формировании национальной инновационной системы (НИС), в связи с чем указанное различие приобретает, что называется, судьбоносный характер. Дело в том, что реализация этой задачи рассматривается в рамках научно-технической политики и связывается, например, с развитием нанотехнологий или дальнейшим освоением космоса. Но *формирование* НИС – задача отнюдь не технической политики, и к естественной науке она просто не имеет никакого отношения: речь ведь идет о создании нормативного обеспечения, соответствующих институтов, инфраструктуры, системы финансирования и т.д., т.е., о типичных задачах «управленческой» политики, решение которых требует выработки соответствующих деятельностно ориентированных знаний. Кроме того, ставя задачу формирования НИС, следовало бы учитывать фундаментальное различие «внедрения» и «инноваций», за которыми стоят две совершенно разные стратегии обновления.

Скажу об этом очень коротко, поскольку могу адресовать заинтересованного читателя к специальной статье [Рац 2008]. Идеология внедрения строится на представлении о том, что главное – это само новшество («тело новшества» – открытие, изобретение), с него все начинается. Если его нет, то и говорить не о чем; если оно есть, то все остальное – дело техники, как в точном, так и в расширенном значении этого слова. При этом упускается из виду, что, когда нечто новое начинает извне «внедряться» в сложившуюся систему деятельности, последняя должна либо перестроиться, либо отторгнуть новшество, причем (NB!) это не зависит от ее собственного устройства – плановая она, рыночная или еще какая-нибудь. Мало того: если перестройка происходит, то она обычно захватывает гораздо более широкую область, чем покрываемая «телом новшества». Например, хотим поменять инструмент, а менять приходится организацию и оплату труда, нормы выработки; меняется при этом качество и себестоимость продукта, а вместе с тем и условия его сбыта, конкуренции...

Идеология инноваций диаметрально противоположна внедренческой. В этом случае совершенно неважно, есть новшество или его нет, важно совершенно другое: устраивает ли нас сложившаяся система деятельности. Все начинается с фиксации неудовлетворенности наличным положением дел, с тщательной прорисовки и анализа ситуации, где выявляются узкие места, «тромбы» в сложившейся системе, ставятся цели, проблемы и задачи, формируются программы и планы их решения. Спрос рождает предложение: рыночная система

(вот здесь это важно) устроена так, что необходимые знания будут выработаны, а изобретения сделаны. Но для этого, конечно, необходимо иметь развитую и, главное, мобильную систему исследований и разработок, способную такого рода спрос (или даже прямые заказы) удовлетворять – здесь и находится функциональное место науки. Привычные для нас проблемы внедрения при такой организации дела вовсе не возникают, ибо обновляемая система деятельности готова к перестройке в целом, место для новшества в ней готовится, а само новшества разрабатывается не «вообще», а применительно к данному случаю, прицельно.

Противоположны идеологии (внедрения и инноваций), но в жизни, естественно, использовать обе соответствующие стратегии: если уж какое-то общественно полезное открытие или изобретение сделано, то грех им не воспользоваться. Вот только осуществлять внедрение следует с учетом изложенных соображений: иначе весьма вероятно отторжение новшества. При всех обстоятельствах инновационная деятельность должна рассматриваться как зона ответственности предпринимателей, управленцев и политиков (а отнюдь не ученых).

В свете сказанного понятно, что пресловутый «переход к рынку» был необходимым, но, как теперь выясняется, недостаточным условием смены стратегии внедрения инновациями. Для этого нужно еще, как минимум, выстроить альтернативную практике «внедрения» технологическую систему. Об этом и идет речь, но эта задача, повторяю, совершенно не научная, а управленческая и политическая, притом связанная с существенными переменами мировоззренческого характера. Второе обстоятельство выходит за рамки настоящей статьи, и я не буду на нем останавливаться, тем более, что мне уже приходилось не раз писать об этой стороне дела [Рац 1996]. Что же касается политики, то здесь необходимо, во-первых, различать техническую и «управленческую» политики. Во-вторых, нужно отчетливо понимать, что инновационная политика и политика в сфере науки – два совершенно разных направления, а их тесная связь опять же заставляет жестко их различать и разграничивать. В-третьих, обеспечение любой политики (как и управления) необходимыми знаниями – функция деятельностью ориентированной науки, прежде всего, конечно, политологии, что возлагает на нас новую ответственность и требует расширения привычной предметной области.

Типы политики, связанные с ее регулятивами

Если типы политики, выделяемые в связи с особенностями сферы общих интересов, касались политической системы в целом, т.е., объединяли всех участников политической борьбы, то типология, связанная с регулятивами политической деятельности, по понятным причинам непосредственно относится к отдельно взятым политическим субъектам. В своих политических отношениях друг с другом они могут руководствоваться разными регулятивами, что само по себе важно для понимания особенностей политики. Иными словами, если до сих пор мы говорили о типологии Politics, то теперь речь пойдет о типологии Policy – политики, проводимой отдельными акторами, которая (типология) может относиться, а может и не относиться к политической системе в целом.

Однако, как и прежде, в данном случае мы сталкиваемся с плохо структурированным множеством типов политики, на сей раз различаемых чаще всего по идеологическим признакам. Именно так строятся политические системы стран европейской культуры с их левыми и правыми партиями: социал-демократическими, либеральными, консервативными и т.п. В основе этого деления явным образом лежит различие в *ценностных ориентациях*, носящих

универсальный – в рамках данной культуры – характер. (При этом молчаливо предполагается, что все конкурирующие партии руководствуются именно ценностными ориентациями.) Но вместе с ними существуют другие основания для самоопределения и диверсификации политических сил, для выбора ориентиров политической деятельности, тоже достаточно известные, хотя и не встраивающиеся в указанный ряд. Вспомним хотя бы, что в политическом дискурсе для обозначения ориентации субъектов политики наряду с ценностями широко используются *интересы*.

Сказанное заставляет вспомнить о довольно широко распространенных выражениях: *политика ценностей* и *политика интересов*. Их содержательная характеристика требует обсуждения и развертывания: если понимать их как эмпирические типы, то я бы согласился с Т.Блэром [Блэр 2007], что такое деление некорректно, а потому сразу интерпретировал бы их как два идеальных типа политики. При этом важно отличать их от классической пары идеалистической и реалистической политики (*Idealpolitik vs Realpolitik*), которая связана скорее с методами осуществления той или иной политики, нежели с ее ориентирами. Действительно, политика ценностей может осуществляться как вполне реалистическая, а политика интересов – как идеалистическая. Поэтому неслучайно тот же Блэр, имея в виду так называемую «войну с террором», говорит, что «идеализм превращается в реальную политику»: речь идет как раз о вполне реалистических (и даже силовых) методах защиты и продвижения европейских ценностей.

Но необходимым условием экспликации понятий политики ценностей и политики интересов мне представляется сравнительный анализ самих этих регулятивов политики, т.е. ценностей и интересов, как таковых. В связи с этим нужно уточнить одну обычно не фиксируемую терминологическую деталь: противопоставляя интересы ценностям, мы теперь употребляем слово «интересы» в более узком и специальном значении, чем до сих пор, когда, в частности, речь шла о сфере общих интересов политических субъектов. В такой широкой трактовке интересы включали в себя и ценностные ориентации (подробнее об этом дальше). Но, если я хочу теперь говорить об интересах в отличие от ценностей, то, прежде всего, необходимо эксплицировать их различия. При этом придется еще учесть, что речь пойдет о *понятии* интересов в отличие от их *содержательного наполнения*. Второе было и остается предметом бесконечных дискуссий (в частности, применительно к национальным интересам), первое же почти не обсуждалось.

Различение ценностей и интересов (в узком значении) – вроде бы общее место, но, вместе с тем, за этим общим местом, как нередко бывает, скрываются проблемы. В этом отношении очень характерна статья М.Маргелова «Мир опасен, если интересы отделены от ценностей» [Маргелов 2007]. Автор пишет: «Беда в том, что сегодня интересы жестко вытесняют ценности. А без ценностей столкновение интересов оборачивается конфликтами. Лишенная ценностей многополярность обещает не концерт государств, а чреватый беспорядочной стрельбой хаос». Поддерживая интенцию автора, я бы заметил, тем не менее, что мир, в котором интересы и ценности совпадают, может быть, не столь опасен, но удивителен и трудно представим. Реальная проблема нашего мира состоит как раз в том, как их сорганизовать. Но до того надо бы еще разобраться, в чем мы усматриваем их различия.

При этом следует оговориться, что я рассматриваю ценности и интересы не как натурально данные объекты, «на самом деле» обладающие определенными наборами (общих и различительных) свойств, а как получившие словесное выражение формы организации рефлексии и осмысления регулятивов нашей

активности. Иными словами, как и любые понятия, это инструменты нашей интеллектуальной работы, а рассматриваемые в таком качестве они искусственны и конструктивны. Вместе с тем необходимо учитывать, что они прижились и оестествились в нашем сознании и в языке, обросли более или менее определенными значениями и коннотациями, но это не должно мешать нашей дальнейшей конструктивной работе с ними. Поэтому различия между ценностями и интересами, о которых пойдет речь, с одной стороны *усматриваются* в практике и эксплицируются здесь, а, с другой, – *конструируются* и предлагаются для уточнения соотношений между ними на будущее. (Все это – довольно обычный момент в истории развития понятий.)

В отличие от культурно детерминированных ценностей, интересы – геополитические, военно-политические, экономические и т.п. – политических субъектов, как правило, имеют привязку непосредственно во времени и пространстве. Конкретный интерес имеет собственное имя. Показательно отличие, например, хорошо известных из истории *интересов* России к черноморским проливам или Англии – к Суэцкому каналу от таких классических *ценностей*, как свобода, равенство и братство или относительно новой ценности «окружающей среды», которые не имеют никакой пространственно-временной привязки. Второе различие состоит в том, что интересы – в противоположность ценностям – всегда предметны. Не бывает интересов «вообще»: неслучайно выше говорилось о геополитических, военно-политических, экономических и т.п. интересах. Напротив: свобода, равенство и братство или добро, красота и любовь не предполагают прилагательных. Как ценности они мыслятся именно «вообще», без какой-либо предметной привязки.

Третье важнейшее различие ценностей и интересов я вижу в том, что ценности, бесспорно являясь продуктом человеческой мысли, выбираются свободно и полагаются в мир нашей интеллектуальной жизни искусственно («сверху») и в будущее. Интересы же, напротив, я бы толковал как естественные: они не выбираются, а даются от рождения или наследуются и растут «снизу», из «почвы», из прошлого. Обостряя мысль почти до абсурда, можно добавить, что на базе принятых ценностей вырабатываются и ставятся *цели*; интересы же по интенции, скорее, объясняют *причины* тех или иных действий.

С третьим различием связано и четвертое: разная роль ценностей и интересов в разгорающихся вокруг них спорах и конфликтах. Как пишет Юджин Гудхарт [Гудхарт 2006], «у вас нет оснований надеяться убедить другую сторону, если вы исходите из постулата, что взгляды оппонентов определяются интересами (явными или скрытыми), неподвластными разуму». Спор по поводу так понимаемых интересов может быть только торгом, игрой с нулевой суммой. Напротив, ценностной конфликт может быть выведен в содержательный план, что сулит возможность развития политической системы в целом. Наконец, пятое, чисто прагматическое различие видится в том, что интересы политика – личные и публично декларируемые – могут как угодно далеко расходиться между собой и комбинироваться самым причудливым образом, а вот ценности, если и когда они наличествуют, должны быть согласованы (не будет же, к примеру, коммунист отстаивать либеральные ценности). В этом отношении ценности в отличие от интересов *неудобны в употреблении* и при последовательном обращении к ним могут создавать пользователю трудно преодолимые проблемы.⁶

⁶ Вообще говоря, интересы (как, наверное, и ценности) бывают разными: например геополитические интересы могут быть "долгоиграющими", едва ли не вечными (вспомним английские "постоянные интересы"). Но типологии ценностей и интересов – темы специального анализа.

На практике ценности и интересы выступают как взаимно дополнительные, но нередко и как противостоящие друг другу регулятивы. Например, хорошо известно, что интересы разных политических субъектов могут сталкиваться даже при единстве ценностных ориентаций: достаточно вспомнить об отношениях США и Европы в последние годы или о трениях внутри Евросоюза. И наоборот: близость интересов, например наличие общего врага, часто нивелирует различие ценностей (наиболее яркий пример – союз СССР с западными демократиями во второй мировой войне).

Из сопоставления ценностей и интересов, на мой взгляд, следует, что бессмысленно ставить вопрос о предпочтительности одних перед другими. *На практике* предпочтительно то или иное их сочетание, ограничение же (я бы сказал даже: злоупотребление) одними в ущерб другим чревато самыми плачевными последствиями. Такая «романтика» – с равным успехом революции или крови и почвы – породила самые страшные трагедии в истории человечества. Более того, похоже, что в разных культурах и на разных этапах истории ценности и интересы могут (пере)осмысливаться и (пере)квалифицироваться с точностью «до наоборот»: то, что в рамках одной культурно-исторической ситуации предстает в качестве интереса, в другой может занять место ценности. (Представляется, что именно такова судьба важнейшего интереса к самосохранению, переосмысленного и занявшего в рамках европейской культуры место ценности /человеческой жизни/ – об этом чуть ниже.)

Возможность использования разных регулятивов – не только ценностей и интересов, но так же идеалов, разного рода норм, традиций и т.п. – делает нашу систему ориентации чрезвычайно гибкой и многомерной. Но за всякое удовольствие надо платить: на практике наличие даже всего двух разных систем ориентации и отсчета функционально связано с так называемыми двойными стандартами, уже давно ставшими предметом постоянных взаимных обвинений политических противников. Этот пункт касается как внешней, так и внутренней политики и нуждается в рефлексии и выработке понятий, необходимых, как минимум, в качестве условия и средства продуктивной коммуникации. Но это только «как минимум», потому что ценности и интересы выступают еще как важнейшие средства самоопределения и целеполагания.

Имея в виду совместный учет ценностей и интересов, можно указать три принципиально разных решения. Первое: переосмыслив понятия ценностей и интересов, построить систему выведения интересов из основополагающих ценностей (в сочетании с обстоятельствами дела), тем самым – в пределе – лишая интересы самостоятельного существования. Например, положив США оплотом демократии, можно затем выводить их (США) национальные интересы из ценности демократии. (Такое решение, видимо, недалеко от вильсонской традиции и логики, принятой администрацией Буша-младшего.) Напротив, второе – сконструировать некое комплексное, обобщенное понятие интересов, включающее в себя ценности как одну из составных частей. (Такое решение по факту, видимо, ближе администрации В.Путина; теоретически оно было реализовано в пока не опубликованной диссертации В.Котельникова [Котельников 2002], где национальные интересы рассматриваются как включающие культурно-политические, в том числе ценностные, а так же геополитические и экономические составляющие.) Наконец, третье: трактовать ценности и интересы как исходно взаимно независимые регулятивы деятельности, требующие в каждой новой ситуации особой работы по их соотношению и со-организации. Мне ближе последнее решение. При этом следует учитывать, что какое бы решение мы ни приняли, это никоим образом не может избавить нас от работы самоопределения

и целеполагания, но может сделать ее более прозрачной и уж во всяком случае, избавить нас от плохо рефлектируемых двойных стандартов.

В предлагаемой интерпретации систем ориентации (ценностной как искусственной и системы интересов как естественной) и в перспективе их соотношения друг с другом необходимо заново продумать вопросы, связанные с их внутренней организацией. Прежде всего, здесь возникает вопрос об иерархическом (либо гетерархическом) устройстве каждой из них. В рамках господствующих иерархических представлений особую актуальность приобретает тема высших в иерархии, так называемых общечеловеческих ценностей, сопрягающаяся теперь с вопросом об общечеловеческих интересах. Существование «общечеловеческих ценностей» кажется мне здесь и теперь еще более сомнительным, чем в обычной постановке, когда вопрос о соотношении ценностей и интересов просто оставался «за кадром». В данном контексте приходится учитывать, что ценности суть неотъемлемая принадлежность культуры, многообразие которой трудно оспорить. Но вот что оказывается, по моему, тоже бесспорным, хотя, на первый взгляд, очень странным, – это наличие *общечеловеческих интересов*, которые связаны вовсе не с культурой, а, напротив, – с человеческим естеством. Первый и важнейший из них – самосохранение, сохранение жизни – даже не общечеловеческий, а, поистине, универсальный интерес, присущий не только всем живым существам, но и всем субъектам действия, в первую очередь, – если уж разговор идет о политике, – государствам. (Отсюда разговоры о жизни как ценности и общечеловеческих ценностях вообще, лежащие в русле первого из указанных выше трех решений.) Нужно заметить, что универсальность этого интереса не противоречит высказанному ранее тезису о локальности интересов: проявляется интерес к сохранению жизни на уровне инстинкта – всегда индивидуально и экзemplифицированно. Более того, сохранение одной жизни нередко связано с уничтожением другой.

Что же касается общечеловеческих ценностей, то логичнее ставить вопрос не об их существовании или несуществовании как некоей данности, а об их искусственно-техническом полагании: если они нам нужны, то следует их выделить и положить в этом качестве. (Как пишет уже цитировавшийся Т. Блэр, «нам предстоит доказать, что наши ценности – не западные, и тем более не американские или англосаксонские; они принадлежат всему человечеству...», а происходящий вокруг них конфликт – «не конфликт цивилизаций – это конфликт по поводу того, что такое цивилизация».) Фактически и прежде дело шло в этой логике, да и не могло идти по-другому: именно так формировался, например, устав ООН и другие международные соглашения. Разумеется, эта тема требует всестороннего обсуждения, и вовсе не факт, что «теорему Блэра» (насчет существования общечеловеческих ценностей) удастся доказать. Наперед ясно одно: ценности принимаются не большинством голосов – в этом случае они рискуют превратиться в пустые лозунги, – но добровольно принимаются и интериоризируются заинтересованными субъектами, а это сложнейшая работа духа, успех которой отнюдь не предрешен. Но, может быть, это и есть один из путей формирования человечества из человеческого рода, о котором писал когда-то Н. Бердяев?

Далее вопрос о субординации ценностей и интересов может обсуждаться применительно к индивидуальным и коллективным субъектам разных типов и разного масштаба (вплоть до проблематичного в этом качестве человечества), к разным типам культур (европейской, мусульманской и др.) и к разным условиям (войны и мира). Однако не стоит ожидать, что в конкретных ситуациях политики

будут заинтересованы в публичном различии и признании своих ценностей и интересов как таковых. Так или иначе, все это требует специальной работы.

Возвращаясь непосредственно к типологии политики и подводя итоги обсуждению ценностей и интересов, следует заметить, что политика ценностей и политика интересов могут и должны диверсифицироваться дальше, причем это отнюдь не схоластика, а способ упорядочить и структурировать пространство нашего мышления о политике и, – что много важнее – в политике. Собственно, это издавна делается применительно к политическим партиям, но осознание и осмысление различий в используемых ими регулятивах должно изменить наши итоговые представления по этому поводу. Прежде, чем обсуждать происходящее в рамках той или иной системы отсчета (идеологической или «интересантской»), необходимо эксплицировать сами эти системы. Действительно, одно дело – обсуждать и выстраивать, скажем, европейскую политику России или социальную политику государства, что называется, подручными средствами, где смешаны в одну кучу ценности, идеалы, традиции и интересы, а совсем другое – делать это с помощью специальных инструментов. Практически, наверное, одно не лучше и не хуже другого, но всегда лучше иметь разные и взаимодополняющие средства решения сложных задач: собственно разработкой средств мы здесь и занимаемся.

Конечно, никакая типология и теория не могут заменить всех тонкостей ситуативной формовки политики, но и ситуативность вовсе не гарантирует успеха. Наглядный пример формирования политики «подручными средствами», когда проблемы не ставятся, а замазываются, и делается не то, что нужно, а то, что можно (удобнее для авторов политики, проще, дешевле – политика ведь «искусство возможного»), дает С. Градировский на материале демографической политики [Градировский 2008]. В итоге такая политика рискует оказаться фиктивно-демонстративной: она создает только видимость решения поставленных задач на перспективу, реально же может помешать позитивному ходу даже естественных процессов. Опять же одно не лучше другого, но лучше располагать разными средствами.

Другое приложение обсуждаемых идей касается политического самоопределения России в современном мире. Едва ли не каждый пишущий на общественно-политические темы считает своим долгом высказаться по этому поводу. Речь идет, в сущности, как раз об укладывающихся в рамки развиваемых здесь представлений переосмыслении и артификации политики (причем как внутренней, так и внешней) и политической субъектности России. Если пока российская политика строится на основе национальных интересов, как их понимает правящая элита, то ставится задача придать ей некое ценностное измерение вплоть до того, чтобы сделать Россию духовным лидером современного мира. Задача сколь достойная по замыслу, столь же трудная для решения.

По правде говоря, за вычетом перепевов марксисткой и стандартной либеральной идеологии, в известных мне публикациях, если и присутствуют ценностно нагруженные идеи, касающиеся будущего, то их содержание недалеко уходит от известной поговорки «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Как правило, дело вообще ограничивается более или менее аргументированными ссылками на культурно-исторические особенности России, из которых выводятся самые разнообразные соображения по части ее будущего. Подобная логика, однако, более чем уязвима: прошлое влияет на будущее, но отнюдь не определяет его. Во-первых, те или иные культурно-исторические особенности России выделяются разными авторами в зависимости от их собственных политических позиций: сравните хотя бы построения А.Янова и Н.

Нарочницей. Во-вторых, будущее *выводится* из прошлого, а не оказывает на него ограниченное влияние, только, если ничего не делать в настоящем. В сущности, будущее при этом превращается в дрящееся прошлое. Однако именно на это, пусть не всегда явным образом, нацелена охранительная идеология. Опять же, она не хуже других, но лишь до тех пор, пока существует на равных правах с другими.

Что же касается этих других, то среди множества возможных вариантов видится один, представляющийся перспективным с точки зрения обсуждаемой задачи. По аналогии с худо-бедно существующей *правовой политикой*, т.е., политикой, осуществляемой в рамках права, я говорю о *политике развития*, которая могла бы формироваться и осуществляться в рамках развития. Должен признать, что на первом этапе мои попытки эксплицировать эту идею были неудачны [Рац 1995], что отчасти могло быть связано с непроработанностью самого понятия развития, но я все же не теряю надежды довести ее до ума, тем более, что за последние годы наши представления о развитии как таковом сильно обогатились [Щедровицкий 2005].

- Блэр Т. 2007. Битва за глобальные ценности. *Россия в глобальной политике*, № 1.
- Вебер М. 2003. *Политические работы 1895 – 1919*. М.
- Градировский С. 2008. Десять проблем управления демографической политикой. Сайт Полит. ру.: <http://www.polit.ru/analytics/2008/04/29/dempolitic.html>.
- Гудхарт Ю. 2006. Культурные войны под сенью alma mater. *Русский журнал*, 14.11. (http://www.russ.ru/culture/teksty/kul_turnye_vojny_pod_sen_yu_alma_mater_chast_1)
- Друкер П.Ф. 2000. *Практика менеджмента*. М.- СПб.- Киев.
- Капустин Б.Г. 1998. *Современность как предмет политической теории*. М.,
- Капустин Б.Г. 2004. *Моральный выбор в политике*. М.
- Котельников В.С. 2002. *Фактор национальных интересов в современных межгосударственных отношениях (на примере России и Украины)*. М., Ин-т Европы РАН.
- Маргелов М. 2007. Мир опасен, если интересы отделены от ценностей. *Независимая газета*, 26.03. (http://www.ng.ru/politics/2007-03-26/3_kartblansh.html).
- Новая философская энциклопедия. 2001. М.
- Поливанова С. Б. Щедровицкий Г.П. 1979. Методологическая организация мышления и деятельности как условие и средство комплексной организации НИР. // *Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы*. Ч. 2. Свердловск.
- Попов С.В. 2002. Методология организации общественных изменений// Розин В.М. (ред.). *Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации*. М.
- Пугачев В.П., Соловьев А.И. 2006. *Введение в политологию*. Изд. 4-е. М.
- Рац М.В. 1995. *Политика развития: первые шаги в России*. М.
- Рац М.В. 1996. О фундаментальном и прикладном в науке и образовании. *Вопр. филос.*, № 9.
- Рац М.В. 2007. Политика развития: новый взгляд. *Альманах Кентавр*, №40. <http://www.circleplus.ru/content/summa/17>
- Рац М.В. 2008. Инновационная политика и наука. *Независимая газета, НГ-Наука*, 11.06. http://www.ng.ru/science/2008-06-11/20_innovatsii.html
- Рац М.В. 2010. Политика и управление. *Полис* (в печати).
- Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. М.
- Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. М. (Второе изд. М., 2005).
- Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности: основные понятия и принципы*. М.,
- Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок*. М.
- Щедровицкий П.Г. 2005. *Лекции о развитии*. <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/18/1.doc>.
- Щедровицкий П.Г. 2006. Культурная политика. *Со-общение*, №7.